

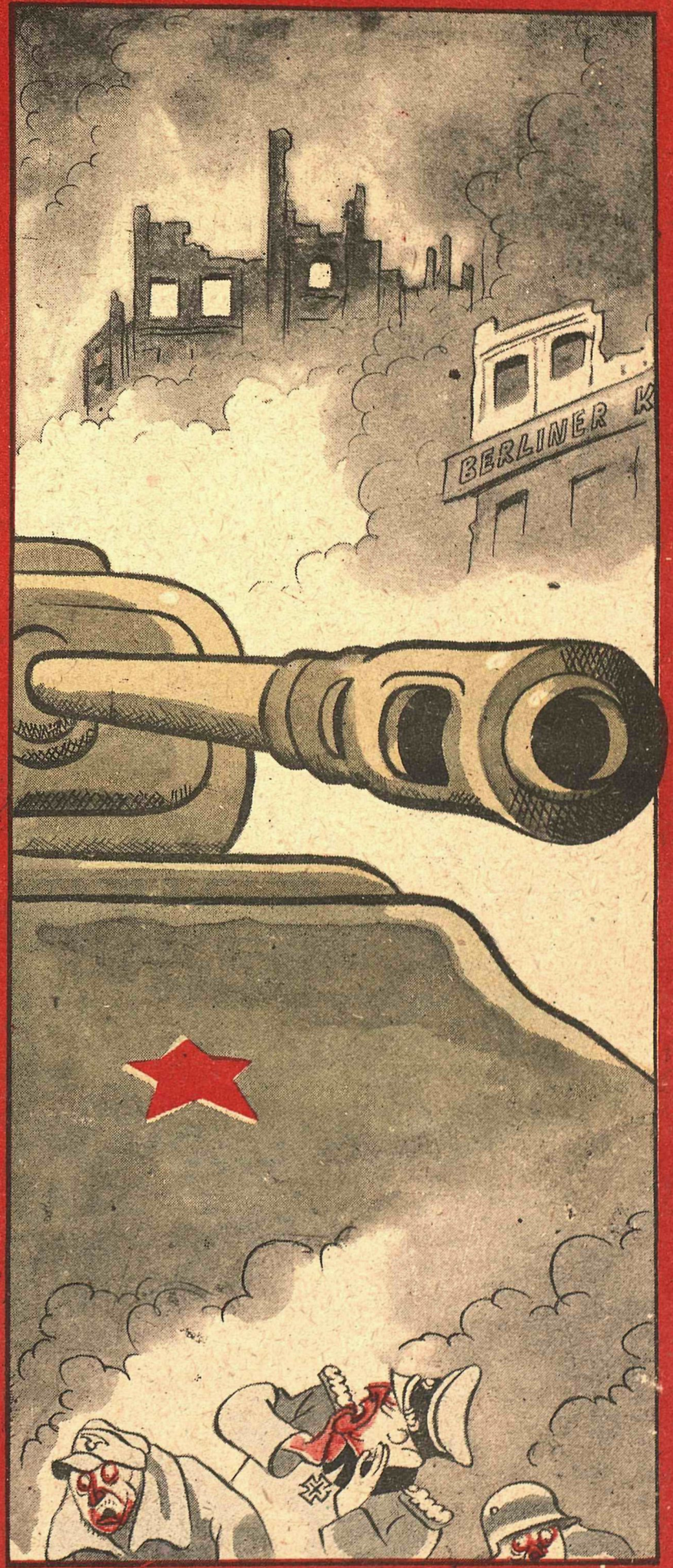
К Р О К О Д И Л

№ 15—16 МОСКВА 1945

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXIV

ЦЕНА НОМЕРА 1 РУБ. 60 КОП.

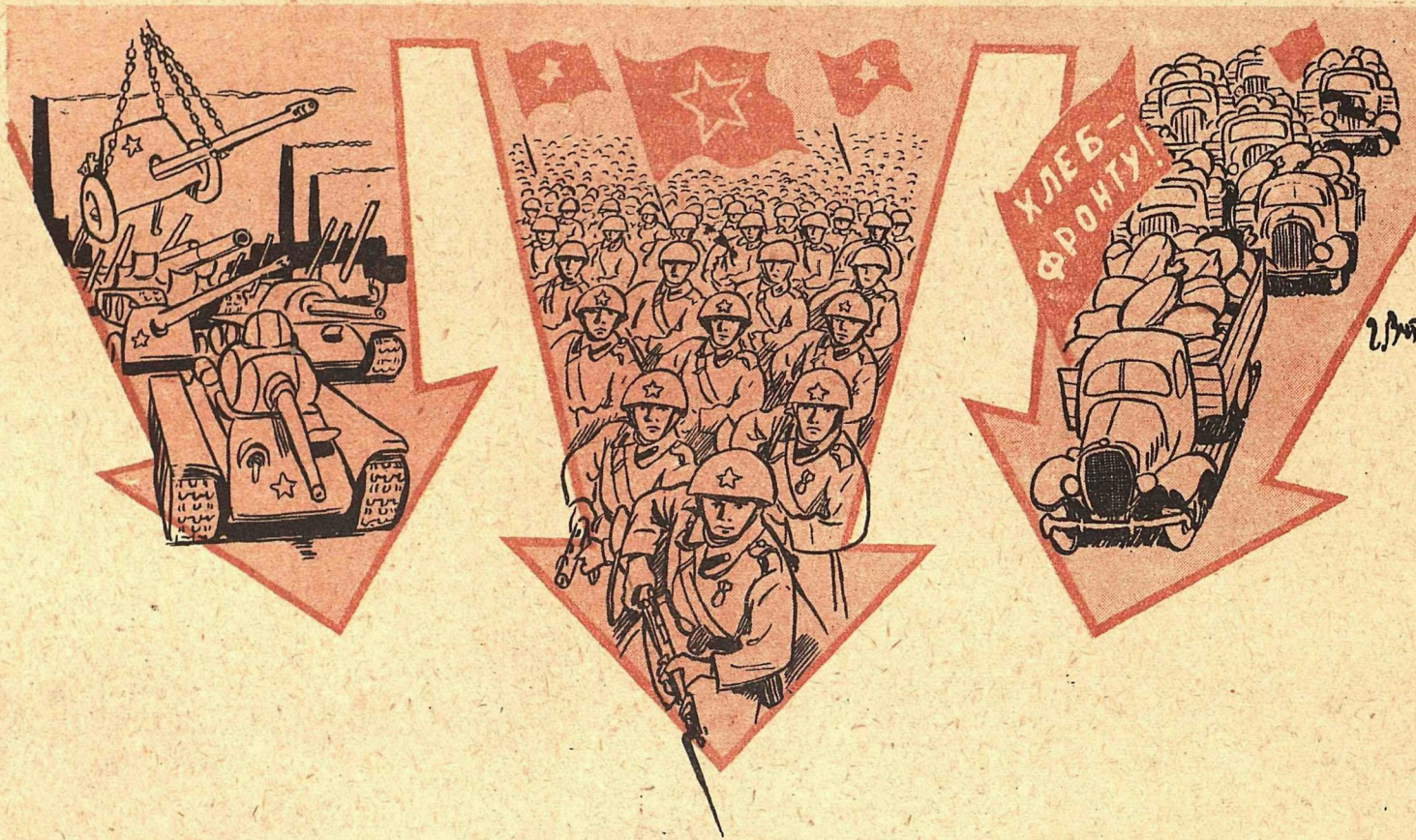

КАК ДАЛЕКО ВПЕРЕД ПРОДВИНУЛАСЬ НАША ТЕХНИКА!

1 мая 1941 г.

1 мая 1945 г.

Рис. Г. Валька

ПРОБУЖДЕНИЕ ВЕСНЫ

(ЗАМЕТКИ НАТУРАЛИСТА)

НАСТУПЛЕНИЕ весны (весеннее наступление) было в этом году ранним и стремительным. В полях ещё белел снег, а над городами Пруссии и Силезии уже грехотал весенний первый гром. Дружно побежали ручьи, бургомистры, гаулейтеры и прочие с... с... Засверкали на солнце лужи, в которые сели Гудериан и другие фон генералы. Всё таяло: снег, лёд, немецкая самоуверенность, немецкая армия.

Наши натуралисты отметили при этом одно интересное явление. В то время как поля в Германии уже зеленели, некоторые немецкие города пребывали под белоснежным покровом. Этот метеорологический феномен был вскоре просто объяснён. То, что издали принимали за снег, при близком рассмотрении оказалось белыми флагами. Наиболее находчивые немцы вывешивали вывезенные из России простыни, полотенца, рубахи с вышитыми на них русскими инициалами владельцев («С», «Д», «А» и т. д.), располагая эти инициалы в таком порядке, что они в сумме составляли слово: «Сдаёмся». Говорят, что у большинства немцев хватало русского белья даже на безоговорочную капитуляцию («С» «Д» «А» «Е» «М» «С» «Я» «Б» «Е» «З» «О» «Г» «О» «В» «О» «Р» «О» «Ч» «Н» «О»).

Природа в этом году, как уже было сказано, пробудилась от сна очень рано — попросту-ка спать под гром русской артиллерии! — и, пробудившись, увидела много занятого и не совсем обычного.

Так например отдельные реки — Одер, Прегель и Грон — не только вышли из берегов, но, увлекши за собой берега, вместе вышли из-под немецкого владычества. Стремительно вышла из-под гитлеровского плёта и река Шпрее, на которой стоял (но не успел!) Берлин.

Своеобразен в этом году и продолжающийся до ныне весенний перелёт птиц. Открыли его римские гуси — те самые, от которых недавно спасли Рим. Первым из них вылетел в неизвестном направлении выпорхнувший из плохо охранявшейся клетки итапо-германский генерал Рюатга. Другой римский гусь — Мусолини — пытается свить гнездо на неприступных, по его мнению, вершинах Швейцарских Альп, а швейцарское нейтральное общество содействия перелётным птицам всячески

пытается обосновать его «право на гнездование».

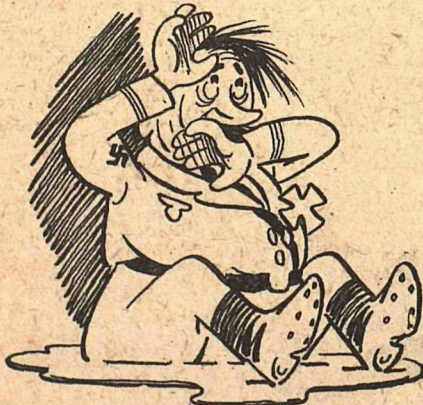
Хищные птицы (стервятники) тянутся, как это ни странно, не только в нейтральную Швецию, где положение их, говорят, безопаснее безопасных шведских спичек, но и в «воюющую» с немцами Аргентину. Тяжёлая добыча, которую они уносят в своих клювах (золото, бриллианты, ценные бумаги), значительно облегчает им перелёт!

Необычно ведут себя этой весной и немецкие певчие птицы. Вместо прежнего задорного «Блиц-криг! Блиц-криг!» они минорно чирикают «В куст прыг! В куст прыг!» Один только тупоголовый попугай (радиодитмар свастика) твердит раз и навсегда заученное: «Побежим-победим!», но даже профашистски настроенные нейтральные ребята отвечают ему на это уверенным: «Попка-дурак!»

С первыми тёплыми днями на полях битвы пышно распустились цветы миротворческого красноречия (пустоцветус вульгарис). Над лужайками с миротворческим пустоцветом появились многочисленные экземпляры сострадательных бабочек (ледиастор сантименталис).

Рыболовный сезон только начинается. Рыба ещё мечет икру, но некоторые шукинны дети уже пытаются замутить воду. Любители ловить рыбу в мутной воде на приманку из слухов о мнимых разногласиях между союзниками не могут, однако, похвастаться удачным ловом. Не клюёт!

Охота на фашистского зверя идёт этой весной более чем успешно. Фашистский зверь

(берхтесгадина) вот-вот будет добит в его собственной берлоге.

Наступление весны (весеннее наступление) чувствуется во всей Германии. Традиционный немецкий выезд на лоно природы («инс грюне», за город) практикуется этой весной особенно широко. Выезжают за город не только всей семьёй, но и... всем городом. Такой массовый пикник берлинцы называют эвакуацией. В некоторых городах (Данциге, Кенигсберге и др.) традиционный весенний выезд за город, впрочем, не состоялся. Виноваты в этом не верные своим традициям немцы, а верная своим традициям Красная Армия, предусмотрительно окружившая эти города.

Весна в разгаре!

М. ЯКОВЛЕВ

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

ЦЮРИХ. Редакция местной газеты связалась по телефону со своим корреспондентом в Берлине. На вопрос редакции: «Что слышно?» — корреспондент ответил: «Из-за гула русских пушек ничего не слышно!»

БЕРЛИН. Немецкие власти с удовлетворением отмечают, что вопреки распространившимся за границей слухам немцы из Берлина больше не удирают: некуда.

МАДРИД. После потери немцами двух Франкфуртов — на Майне и на Одере — здесь ведутся подготовительные работы по созданию третьего Франкфурта — у Франко.

СТОКГОЛЬМ. Как сообщают из Берлина, аграрная проблема в III империи удачно разрешена: восточные земельные районы Германии заняты Красной Армией, а имперский министр земледелия Дарре оккупирован союзными войсками.

МЮНХЕН. В связи с самоубийством фельд-маршала Моделя обычно хорошо информированные круги сообщают, что это далеко не последняя модель сезона.

Тихая Девчушка

НА ОБОЧИНЕ немецкого шоссе сидели, ожидая попутной машины, два солдата: пожилой ефрейтор-артиллерист и очень юный рядовой-пехотинец, казавшийся благодаря своему маленькому росту и большой — не по голове — ушанке, совсем мальчиком.

— Не видать машины, — басом сказал ефрейтор, усатый и солидный, — тебе тоже в Мариендорф, служба?

— Туда! — ответил пехотинец звонким тороком.

Артиллерист отвернул полу шинели, достал из кармана ватных штанов кожаный кисет, прочный, большой, солидный — подстать хозяину, — не спеша развязал и, порывшись в кисете пальцами, огорчённо вздохнул:

— Ни синь-пороху — скажи на милость!.. Табачок есть, малый?!

— Махорочка, товарищ ефрейтор.

— Давай!..
Пехотинец вынул свой кисет, нарядный, как девушка, идущая на вечерку. Он был из розового сатина, а вышит голубым бисером.

— Фу-ты, ну-ты, какая красота! — сказал артиллерист, беря ослепительный кисет. — Какая же тебе королева такую прелесть поднесла?

— Сестрёнка подарила. Её работа!..

— Искусница, видать. Откуда сам-то?..

— Орловские мы! Из-под Карачёва. Слышали?..

— Слышал. А я — Калининской области. Вот пришёл к немцу ответный визит делать... со своим самоходным угощением!.. Твои целы?

— Отец, мать — целы. А сестрёнку немцы к себе угнали.

— Искусницу-то?..

— Угнали! — печально повторил пехотинец. — В сорок втором они её угнали.

Пехотинец потупился и стал внимательно рассматривать свои серые от въевшейся грязи сбитые ботинки.

— Пропала она у них, у проклятых! — прибавил он шопотом и отвернулся.

— Постой! Почему пропала?! — горячо сказал артиллерист. — Их теперь тысячами освобождают. Видаль — идут по дорогам? Вот, может, и искусница твоя тоже.. шагает где-нибудь, поёт «Катюшу»...

— Нет! Пропала! — убеждённо сказал пехотинец. — Другие, может, и не пропали, а наша — пропала!..

— Да почему же непременно пропала, голова садовая?

— Тихая она у нас очень! — сказал пехотинец. — Безответная. На всё молчок да молчок. Которые побойчее — те, знаешь, сохраняют себя, а наша... (он махнул рукой) заклевали они её. Факт!..

— Это, конечно, так! — согласился артиллерист. — Другую женщину черти к себе в ад утащут, — она и там не растеряется, начнёт им хвосты крутить... Только ты напрасно раньше срока горюешь. Вот я тебе расскажу случай... Двигалась наша батарея тоже так, по шоссе. И вдруг слышим — песня. Наша, русская! Глядим — из-за поворота выходят две женщины: одна пожилая, а другая — совсем девчонка. Обе босые, а ещё морозно было. У пожилой в руке красный самодельный флажок, а на плечах — вилы. А девчонка ведёт вроде как на аркане здорового немца в зелёной шляпе с петушиным пером. Немец идёт молча, смотрит себе под ноги, руки у него связаны позади. «Стой! Кто такие?» Женщины — к нам. Рассказывают: здесь недалеко они работали у немца-помещика — вот у этого, с петушиным пером, — и был этот немец такой ирод, что ни в сказке сказать, ни пером написать. А когда услышал — Красная Армия идёт, пожелал дать ходу, а они не дали ему ударить. Приказчик иродов хотел их из автомата всех перестрелять, а они его вилами на смерть забили, ирода повязали, а фрау иродову заперли в свиной хлев. Вот как распорядились!.. «Мы, говорят, хотим, чтобы нашего помещика-кровавицу народным судом судили, будем давать показания». «Молодцы — бабочки! А кто же у вас за командира был в этом сражении?» Пожилая пока-

зывает на молодую, говорит: «Маруся — у нас командир». А Маруся эта — ну, совсем девчонка.

— Сестрёнку мою Дуняшкой звать! — вздохнул, сказал пехотинец.

— Д-а-а!.. И так она нам всем понравилась, эта Маруся, командир их босоногий! Такая бойкая, речистая. Всё нам про Германию очень интересно объясняла. Немец на верёвке у неё заскучал, засучил ногами, а она на него, как на лошадь: «Тпр-ру... Не балуй!» Мы чуть со смеху не померли... Капитан им свою машину дал, сам на пушку пересел, провожатого нарядил и сказал, куда немца надо отвезти. Маруся мне на прощанье карточку свою подарила. «Нате, говорит, вам, дяденька, на память, как вы есть первый советский боец, которого я на воле встретила...»

Артиллерист с той же неторопливостью достал из кармана бумажник, такой же объёмистый, как и кисет, извлёк из него фотографическую карточку и подал пехотинцу.

Пехотинец взял карточку, взглянул и вдруг вскопчил, замаhal руками, закричал:

— Она!.. Дуняшка!..

— Дуняшка? Как же это так? И взаправду, кажется, Дуняшка. Это я малость испугал.

Пехотинец неловко обнял усача-артиллериста и, всхлипнув, поцеловал его в рыжие, тронутые сединой, усы.

— Ну вот, видишь! — улыбаясь казал артиллерист. — А ты заладил: пропала да пропала, тихая да безответная. Хорошее дело — тихая!

— Ей богу, товарищ ефрейтор, дома тихая была — воды не замутит.

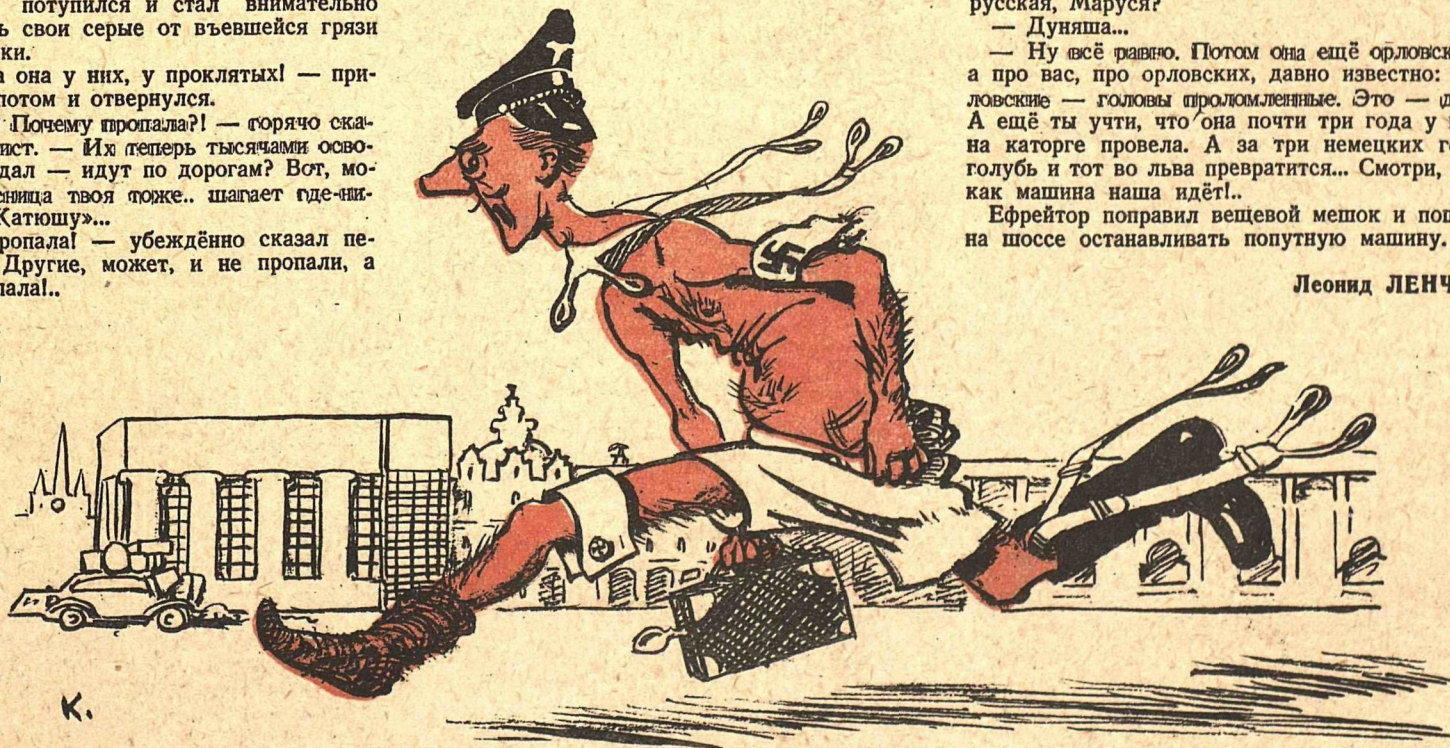
— Так то дома, голова садовая — рассудительно сказал ефрейтор, — а в неволе совсем другая музыка получается. Она ведь у тебя русская, Маруся?

— Дуняша...
— Ну всё равно. Потом она ещё орловская, а про вас, про орловских, давно известно: орловские — головы проломленные. Это — два.

А ещё ты учти, что она почти три года у них на каторге провела. А за три немецких года голубь и тот во льва превратится... Смотри, никак машина наша идёт!..

Ефрейтор поправил вещевой мешок и пошёл на шоссе останавливать попутную машину.

Леонид ЛЕНЧ

ПОСЛЕДНИЙ КРИК НЕМЕЦКОЙ МОДЫ
Венский шик!

ТАБЕЛЬ О РАНГАХ, или
ВСЯКОМУ ОВОЩУ СВОЕ МЕСТО

Рис. М. Черемных

— Запомни, Фрося: у обер-лейтенанта мы посадили лук, у полковника — хрен, а генерал остаётся на бобах.

Действие первое

1940 ГОД. В правленческой избе колхоза «Маяк» идёт собрание. Изба битком набита колхозниками, но зритель не видит их, так как на переднем плане стоит большая русская печь, влево от неё — дощатая перегородка, а меж печью и перегородкой сидят действующие лица:

Свекровь Головастова — тощая, с тревожными, нищими глазами старуха.

Сноха Головастова — плотная, округлая, лет тридцати трёх. Судя по цвету лица, питается она преимущественно сливками, а также сметаной высшего сорта.

Есть ещё одно действующее лицо — свёкор Захар Головастов, но его не видно, он — там, за дощатой перегородкой, в гуще колхозников.

В избе только что отзвучала речь агронома. Это была речь о расхищении сахара. Расхищают его жуки-долгоносики, они грызут сахарную свёклу, и оттого происходят досаднейшие убытки. Агроном горячо и убедительно советовал колхозникам прибегнуть к новейшему способу истребления жуков: на сахарную плантацию надобно вывезти кур, и те переключают всех жуков.

Свекровь Головастова, слушая агронома, сильно разволновалась. У старухи во дворе семнадцать кур, и ей уже мерещится ужасная

картина: правление увозит её кур за пять километров от деревни, и куры бродят в свёкле, в овсах, во ржи, несут там яйца, а пастухи и пропольщики и все, кому не лень, подбирают эти яйца, жарят яичницу...

Старуха срывается с табурета; зритель видит, как ходят её плечи, вот-вот она зычно вознегодует. Но тут прозвучал голос председателя:

— Речь идёт, товарищи, о птичьей ферме, а что касается остальных кур, то это в порядке добровольности: хочешь, чтобы твои куры повысили урожайность, — пожалуйста, не хочешь, — никто неволить не станет.

Старуха несколько успокоилась, но не надолго. Дело в том, что муж её Захар Никитич заведует птичьей фермой, трудится он не очень усердно и большую часть времени проводит дома, а теперь его пошлют вместе с курами за деревню.

А сноха Головастова волнуется по другой причине. Как и свёкор Захар Никитич, она работает на птичьей ферме, занимает там должность кормачки, то есть кормит кур. Работа нехитрая и, по совести говоря, старушечья. И если кур увезут на поле и они там будут кормиться жуками, то снохе придётся переменить вольготную жизнь на более трудную.

Итак, речь агронома отзвучала. Зритель слышит голос Захара Никитича:

— Хочу я.
Председатель: — Говори.
Захар Никитич: — Свёкла — одно. Кура — другое. Кура — она вроде будто не перепел. Она на поле не живёт. Она с самого основания времени при человеке живёт. Кура если в поле отвезти, она — что? Она — как шапка в тесте: и тесто спорчено, и шапку не надеть.

Свекровь Головастова: — Они только этого и хотят: ни себе, мол, ни людям.

Председатель (постукивая карандашом): — Кто это там за перегородкой, а? Кто это там парламент себе устроил, а?

Захар Никитич (продолжая): — Тут вот товарищ агроном говорил: «инициатива», «новаторы»...

Председатель: — «Новаторство»...

Захар Никитич: — Вообще всякие эти дымные слова. Прошлым летом вот так-то в Орехово приехали двое и стали по всякому дымить и до того надымили, до того людей из понятия вывели, что ведь взял Кузьма Лексеич Прокофьев курей, — он тогда фермой заведывал, — взял курей и повёз на поле. За пять-то километров. Привёз, сгрузил и стоит. Стоит посередине поля, а вокруг него куры стоят. Кузьма Лексеич на них: «Шиш-ши! Расходишь! Клой!» А они топчутся подле него, глядят на него и будто жалуются: «Мы, дескать, при человеке навькли, а не в поле. Нам

тут боязно...» Кузьма Лексеич жердью на них: «Шиш-ш, дурные! Сполняй задание: клюй долгоноса!» Ну, они вроде будто немножко разошлись, клюют. А Кузьма Лексеич думает: «До вечера ещё далеко. Дай-ка вздремну часок». Лёг, спит и чувствует: будто по нему змеи ползают: в одном месте горячая змея ползёт, в другом — холодная. Проснулся, — это на нём куры сидят. Сидят и сырость на него делают. «Ах, подлые!» А это куры-то лису учуяли: лиса близко ходит. Учужали и прямо Кузьме Лексеичу на голову взлётывают... Он к речке, они за ним. Он к орешнику, они туда же...

Бригадир Олейников (с места): — Побаски рассказываешь, Захар Никитич. Ореховские-то с гектара на сто центнеров больше нашего взяли. И главным образом благодаря курам.

Звеньевая Анна Семёнова: — Они с курой большую работу сделали. Я была у них. Прохоров-то — известный лодырь. Они его прогнали, назначили на его место Пелагею Китаеву, — эта прямо замечательно поставила дело...

Зритель видит спины и затылки Головастовых и по спицам, по движениям плеч угадывает: свекровь и сноха растревожены до крайности.

Действие второе

1945 год. Та же печь и та же перегородка, но ни свекрови, ни снохи Головастовых тут уже нет, так что зрителю видна часть избы: окошко, передние скамьи, стол.

В простенках висят колхозные газеты: одна из них посвящена Первомайскому празднику, другая вышла в свет давно, месяца три назад, но вся она в портретах, в пунцовых и синих цветах; этот лист очень украшает избу, и оттого его не сняли.

Жаль, что зритель не может прочитать эти газеты. Там написаны воспоминания о страшной поре, когда немцы подошли было к Тимянску, что в двадцати трёх километрах от «Маяка». В этих воспоминаниях есть такие слова доярки Тулуповой: «И задрожало тут у каждого сердце: неужели конец нашей жизни!» Потом зритель прочитал бы, как однажды ночью из спалённых курских деревень пришли в «Маяк» колхозницы с грудными ребятами и что рассказали они здешним людям о фашизме, о гибели родного колхоза. Ещё про-

читал бы зритель письма бойцов: «Даже и поверить трудно, что вы взяли такой урожай!» А рядом с этими письмами коротенькие статьи Звеньевых и конюха Терентьева и кузнеца Вавилова, как им, тройне возлюбившим свою артель, открылись новые силы земли, несчётные возможности своего хозяйства...

Но газеты еле видны, зритель не может прочитать их, и оттого то, что он видит и слышит во втором акте, представляется ему чудесным.

А видит и слышит он вот что:

За столом возле председателя сидит сноха Головастова. По месту, на котором она сидит, и по фразам, которые она иногда произносит, зритель понимает, что она теперь уже не рядовая колхозница, не кормачка на птичьей ферме, а поднимай выше: заместитель председателя.

В избе идёт собрание, звучат речи об яровизации, севообороте, подкормке озимых зеленей и т. д. Говорят главным образом женщины. Но вот слышится знакомый голос Захара Никитича:

— «Один навес!» Вы что смеётесь, что ли, или нет!.. «Один навес!» Голову иметь надо. Три тысячи курей! Системное истребление долгоноса! Маневр делаю тут! Маневр делаю там! Мне три навеса, это в самой крайности три навеса: один — на Гуляевом участке, второй — подле орешника, третий — у Власейкина оврага...

Голос его звучит почти негодующе:

— Если вы мне один навес на три тыщи курей, вы мне мою инициативу запираете. Развороту мне не даёте. А мне что любо-дорого? Мне то любо-дорого, чтобы к Петрову дню на всём поле ни одного долгоноса... даже ни звания... чтобы, придут бойцы, глаз с поля оторвать не могли: «Вот это работа! Вот это химия!»

А на скамье под Первомайским номером газеты сидит старуха Головастова и, слушая мужа, взбудораженно приговаривает:

— Этак, этак!.. Правду он, бабы, говорит, правду!.. Этак, этак!..

Зритель недоумевает:

«Да неужели эта же самая старуха, которая...»

Зритель не читал статьи доярки Тулуповой. А в статье этой написано:

«И задрожало тут у каждого сердце...»

А. КОЛОСОВ

ПОРАЖЕНИЯ И ПОЛОЖЕНИЯ

«До последнего времени гитлеровцы изображают в сводках своих войска «хозяевами положения».

Фриц взывал из окружения: «Я ищу пути попятного, Как хозяин положения Чрезвычайно неприятного».

Из его соединения Был ответ радиогаммою: «Фриц, мужайся! Положение У соседей то же самое...»

Получив в бою ранения, Падал Фриц у леса дальнего, Как хозяин положения, Но уже горизонтального.

Он сказал: «Я сломлен бурей, Кончив фюреру служение. Хорошо бы видеть фюрера В том же самом положении».

Нет уж! После поражения, Сокрушённый неудачей, Примет фюрер положение Обязательно висячее.

Ал. ЖАРОВ

Рис. К. Елисеева

ПОСЛЕВОЕННАЯ ПРОБЛЕМА...

— Когда кончится война, Трофим, поженим твоего сержанта на моём ефрейторе!..

Всё же бывает...

ОШИБКА РАДИСТА

НЕСКОЛЬКО лет назад я прочитал в одном юмористическом журнале любопытную заметку про одного хозяйственника. Он, видите ли, выдал справку-характеристику, что такой-то, мол, к своим обязанностям относился добросовестно и имеет выговор за халатное отношение к работе.

Эта заметка вызвала тогда у меня смех.

А через несколько лет я сам, находясь в полном сознании и в трезвом уме, подписал такую же бумажку своему радисту, старшему сержанту Селиверстову.

...Бой только что утих. Наша танковая часть захватила в плен в полном составе штаб немецкой пехотной дивизии.

Я приказываю радисту Селиверстову передать командованию, что задание выполнили, находимся в районе станции М.

Исполнительный, точный Селиверстов то ли не расслышал меня, то ли сам перепутал, но в донесении допустил ошибку: вместо «в районе станции» он указал, что мы находимся на самой станции. А на станции были ещё немцы.

Через час или два просматриваю я тетрадь донесений и глазам своим не верю. Ведь это же — чистое очковитительство! Я стал распекал Селиверстова, объявил ему устно выговор, о чём приказал Селиверстову утром напомнить мне, чтоб наложить взыскание.

Вдруг откуда ни возьмись в небе появились до сорока немецких бомбардировщиков «Ю-87». И летят они к самой станции М. и сбрасывают на станцию и на рожищу, что рядом со станцией, весь свой запас.

Что же оказалось? Немцы перехватили радиодонесение Селиверстова и решили разбомбить станцию. В рожище скрывались 22 немецких танка и 2 машины с боеприпасами. Видя такое дело, экипаж немецких танков разбежался кто куда. Два танка сгорели, а двадцать танков целых и исправных достались нам, когда мы после налёта немецких «Ю-87» захватили станцию.

Как только мы заняли станцию М., подходит ко мне старший сержант Селиверстов и докладывает:

— Товарищ капитан, старший сержант Селиверстов по вашему приказанию напоминает о взыскании за допущенную ошибку в донесении.

Пришлось мне о происшедшем писать подробный рапорт начальству и в этом рапорте повторить чуть ли не дословно характеристику, над которой я так смеялся до войны, что, мол, старший сержант Селиверстов, отличный радист, к своим обязанностям относится добросовестно, но имеет выговор за халатное отношение к работе, каковой выговор прошу снять, ввиду происшедших обстоятельств.

Капитан Д. ТЮРКИН, Герой Советского Союза

БРАЗИЛЬСКИЙ РОМАНС

В ПРОШЛОМ году я получил научную командировку за границу. Я побывал в Египте, США и Южной Америке.

Вспоминается случай, происшедший со мной в Бразилии, в городе Наталь.

Я сидел на веранде самого большого ресторана. Полуденное солнце палило так, что котлеты, значившиеся в обеденном меню, можно было жарить не на плите, а на мостовой.

Город встречал генерал-губернатора, и в первом этаже ресторана готовились к банкету в честь уважаемого гостя. На улице, у входа в ресторан, стояла музыкантская команда, босоногая, одетая в френчи и гаулифе цвета хаки. Это были мужчины мелкого калибра, а инструменты их были так велики и звуки, вылетавшие из этих инструментов, были такие шальные и дикие, что я невольно подумал: «Есть, оказывается, вещи страшнее бразильского солнца!»

К моему удовольствию, оркестр скоро смолк. Сразу жара будто стала меньше, а пиво, которое я попивал, — холоднее. Но через несколько минут снова раздалась музыка, на этот раз внутри ресторана, где банкет уже начинался. Заиграл бразильский квартет. Это были на-

стоящие музыканты. Их инструменты звучали великолепно. Я сразу уловил знакомый мотив и от неожиданности даже слегка вздрогнул.

Но через минуту всякие сомнения исчезли. На маленькую эстраду вышла певица и запела:

«Очи чёрные, очи страстные...»

Напротив меня, широко развалившись в шезлонге, сидел негр.

Он сидел, полузакрыв глаза, курил сигару и тоже пел:

«Ай, от-чи тшор-ные, от-чи срасине...»

Он пел всё громче и смелее, точно был тут один, и смолк, когда оборвала и певица.

В ресторане раздались громкие аплодисменты. На веранде снова наступила тишина. Негр поднялся и стал собираться. Мне показалось, что он улыбнулся, взглянув в мою сторону, и я, не выдержав, спросил:

— Скажите, сэр, что это за песня, которую пела певица и вы сами?

Он блеснул своими огромными белками и ответил:

— Как, вы не знаете? Ведь это же самый модный бразильский романс про одну девушку с чёрными глазами.

— Да, — сказал я, — но это русская песня.

— Ну да, — сказал негр. — Конечно! Самое модное сейчас — это русское. Не только тут, в Бразилии, но вообще. Я думаю, вы должны с этим согласиться.

Профессор В. СОЛОВЬЕВ, лауреат Сталинской премии

253 МИШКИ-ОДЕССИТА

В 1942 году я несколько раз исполнял по радио песенку о Мишке-одессите. То было тяжёлое время: Одесса после героической обороны была оставлена нашими войсками.

«Померкшие лиманы, опавшие каштаны
И тихий, скорбный шопот приспущенных знамён.

В печальной тишине, без труб, без барабана
Одессу оставляет последний батальон», —

пел я в те дни.

«Хотелось лечь, прикрыть бы телом
Родные камни мостовой...

Впервые плакать захотел он,
Но комиссар обнял его рукой.

Ты одессит, Мишка, а это значит,
Что не страшны тебе ни горе, ни беда.
Ты моряк, Мишка, — моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда.

Эта песенка, видимо, тронула тысячи сердец крабрых и милых людей родного моего города. Я стал получать множество писем. Одесситы откликнулись на песенку. Трогательное было в том, что писало мне много Мишек-одесситов.

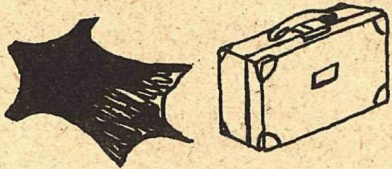
«Как вы узнали, что я был в последнем батальоне?» — спрашивал один. «Это ничего, товарищ Утёсов, мы ещё расправимся со всем этим паскудством, которое сейчас прохаживается на одесских бульварах...» — сообщает другой.

Я получил в 1942 году 253 письма от бойцов, принявших песенку на свой счёт. Привожу здесь полностью одно из таких писем:

«Дорогой товарищ Леонид Утёсов!

Я слушал по радио вашу песенку про нашу дорогую Одессу и про то, как я захотел будто бы плакать. Мне неизвестно, кто мог выдумать такую чепуху про меня, Мишку Цыпенюка. Это клевета, товарищ Леонид Утёсов. Когда мы оставляли Одессу, я не плакал и не хотел плакать. Наш батальон, правда, уходил последним, но какой тип мог вам говорить такое, такие слепети про пулемётчика Мишу Цыпенюка? В вашей песне неверно и насчёт того, что наш батальон оставлял город в тишине. Музыка, конечно, не играла — она ещё заиграет, и вы ещё сами, товарищ Леонид Утёсов, споёте что-нибудь насчёт разгрома Гитлера, но тишины тоже не было. Я строчил гадов до самой посадки на паром. О чём они думают, товарищ Утёсов? Они думают, что Одесса останется им навсегда?.. Этого не будет. Мы уже гоним гадов, и мы из них вымотаем кишки. Они заплатят за всё. И я ещё доставлю себе удовольствие побывать в Берлине. Младший сержант Михаил Цепенюк».

Л. УТЕСОВ, заслуженный артист РСФСР

ЧТО больше всего сейчас интересует немцев в осаждённом Бреслау? Оказывается, шкуры. Нет, не собственные шкуры фрицев, которые вполне добросовестно обрабатываются в «котле» нашей артиллерией. Их волнует иное.

Нашим бойцам попала немецкая газетка «Шлезисше нахрихтен», издающаяся в окружённом Бреслау. В отделе юмора этой газетки, почему-то именуемом редакцией отделом объявлений, напечатана такая шутка, сочинённая фирмой Оверно:

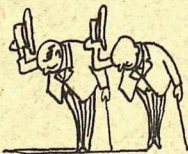
«По беспримерно доступным ценам на главном складе фирмы спешно распродаются шкуры разных сортов и размеров, как дублённые, так и сырые».

А вот ещё одно, не менее смешное произведение некоего герра Вальде, который в простоте душевной рекламирует дешёвую распродажу чемоданов. Точно эта дорожная принадлежность поможет согражданам Вальде выбраться из «мешка».

Читали мы всё это и весело смеялись. Недурно преуспели фрицы, не правда ли? Начали с завоевания мира, а кончают спешной распродажей шкур и чемоданов.

В. КОТЛЯРЕНКО, гвардии майор

КАК МЕНЯ ХОТЕЛИ СДЕЛАТЬ КАПИТАЛИСТОМ

ЭТО было в те дни, когда мы вступили в Румынию. Моряжи заняли порты на Дунае — Браилов и Галац. Я был назначен старшим морским начальником обоих этих портов, или, как румыны меня называли, комендантом.

Не успел я вступить в должность, как приходят ко мне однажды два господина. Эткие гладкие, откормленные. Брючки в стрелочку, шляпы, галстуки яркие, и в петличке пиджаков цветочки. «Как, мол, поживаете? Нравится ли вам наш город?» «Нравится, — говорю, — а чем могу быть вам полезен?» А они в ответ:

— Господин комендант, мы представители завода, что тут на территории порта расположен. Нас интересует, с какого числа вам проценты начислять, то ли с момента вашего фактического вступления в должность, то ли со дня подписания приказа о вашем назначении?

Я ничего не понимаю.

— Какие, такие, — говорю, — проценты?

— Прибыли-с. По акциям.

— По каким акциям?

— Заводским.

— Ничего не понимаю.

— У нас на заводе такой порядок: определённая часть акций предназначена для коменданта. И по этим акциям полагается прибыль. Все коменданты, которые тут были, получали эти акции и проценты с них. А немецкий комендант даже потребовал, чтобы проценты считали со дня его выезда из Берлина.

— Так это, что же, вы меня в своего акционера превращаете?

Они со стульев вскочили, шляпы в споруно талантливо отмахнули и сладенько мне:

— Сонтём за честь!.. Разрешите чек вам выписать?

Хотел я им ответить по-русски с некоторым морским акцентом, да сдержался. Говорю им:

— Мне ни акций, ни процентов не надо. Я советский офицер.

А они смотрят на меня во все глаза, понять не могут.

— Помилуйте! Что вы? Ежели надо, мы увеличим и сумму акций и сумму процентов.

— Да нет, — отвечаю, — мне это ни к чему. Совсем не надо. Из меня капиталиста не получится, — говорю им, — не то воспитание. Структура не та.

Они всё в толк взять не могут. Встали, поклонились и пошли. У двери обернулись, как по команде, и говорят:

— А может, вы не поняли? Ведь вам никаких сумм в дело вкладывать не надо, и фирма у нас солидная...

А. ШАЛЬНОВ, капитан 2-го ранга, четырёхжды орденосец

Рис. Б. Клинча

— У вас, оказывается, в узле оружие!..

— Да, но оно завернуто в белый флаг!..

ПОСЛЕДНЯЯ ГРОЗА

Люблю грозу в начале мая,
Когда обстрела первый гром,
Семью гаулейтера пугая,
Берлинский сотрясает дом.

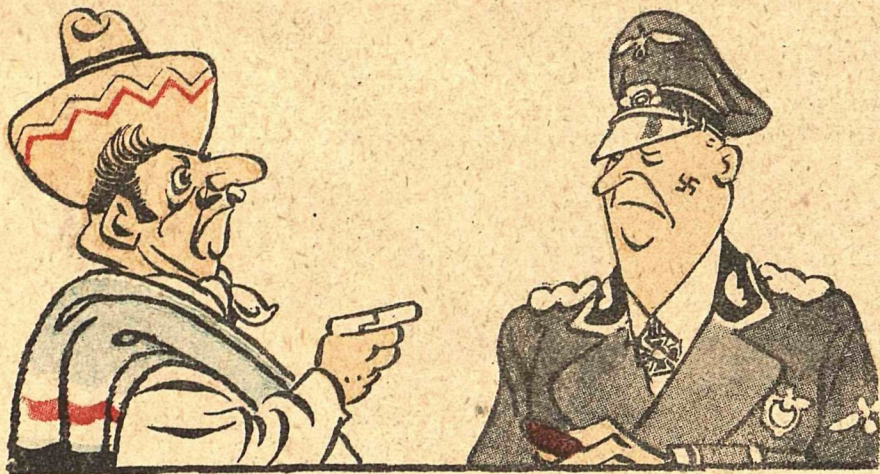
Плывут могучие раскаты,
Клубится дым, клубится пыль,
И лейтер, ужасом объятый,
Кричит: «Скорей — автомобиль!»

И, увидав, что лейтер (гау!)
Сбежал, не тратя зря минут,
Орут испуганные фрау
Хайлеподобное «капут!»

Ты скажешь:

— Фриц, смиривши нервы,
Взгляни реальности в глаза:
Сей гром над Пруссией не первый,
Сие — последняя гроза!

Эмиль КРОТКИЙ

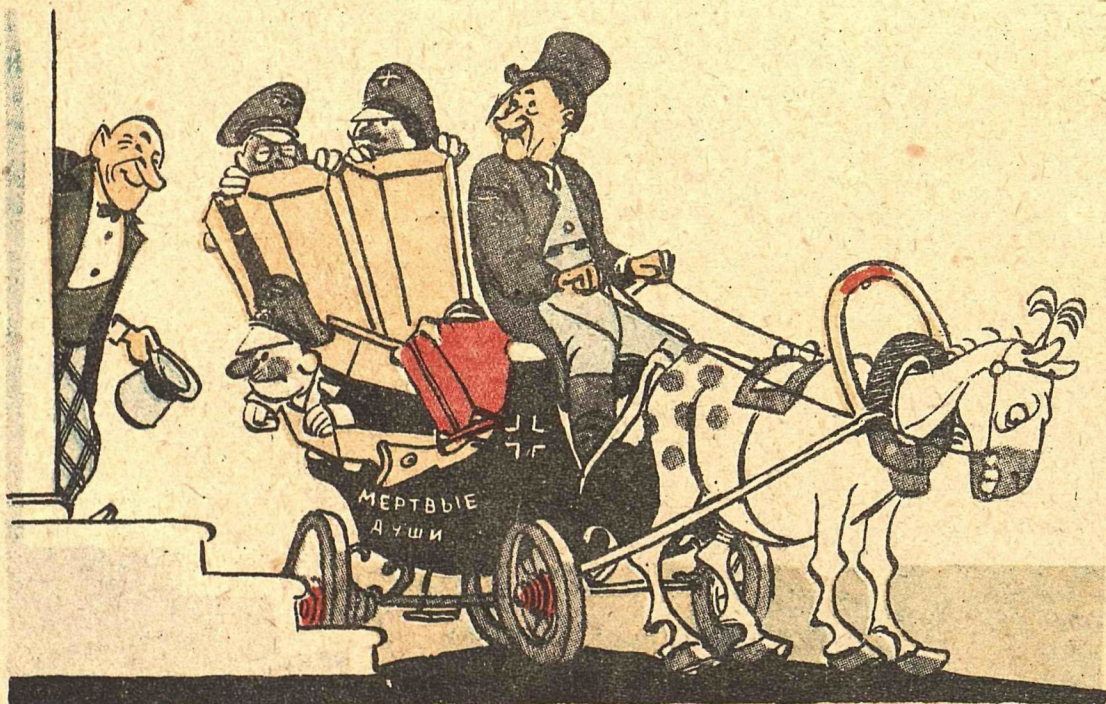
— Итак, объявляю вам войну, — грозно сказал аргентинец и...

...тут же открыл огонь.

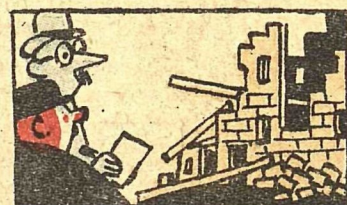

Короткая память, или...

Немцы, фактивно похороненные в Германии под чужими фамилиями, направляются в нейтральные страны.

НЕЙТРАЛЬНЫЙ МАНИЛОВ: — «Но позвольте доложить, не будет ли это предприятие, или чтоб ещё более, так сказать, выразиться, негоция, так не будет ли эта негоция не соответствующе гражданским постановлениям и дальнейшим видам России?..»

— Бедные фрицы!.. Они так потрудились, разрушая этот город!.. А теперь их же заставляют восстанавливать!..

БЕДНЫ

Вечер был — эс вар айн Абэнд,
На дворе трещал мороз,
Шёл малыш — айн клайнер Кнабз —
И дорогову... подрост!

Из утробного врийца
С рахитичной головой

Чувств
для пр

Вырос
И граб

Шла в
Пропол
Об еван
И... при

...пять лет спустя.

ФРАНКО:
 — Далеко
 до Сан-Франциско,
 До Берлина очень
 близко.
 И с друзьями, не таясь,
 Я поддерживаю связь.

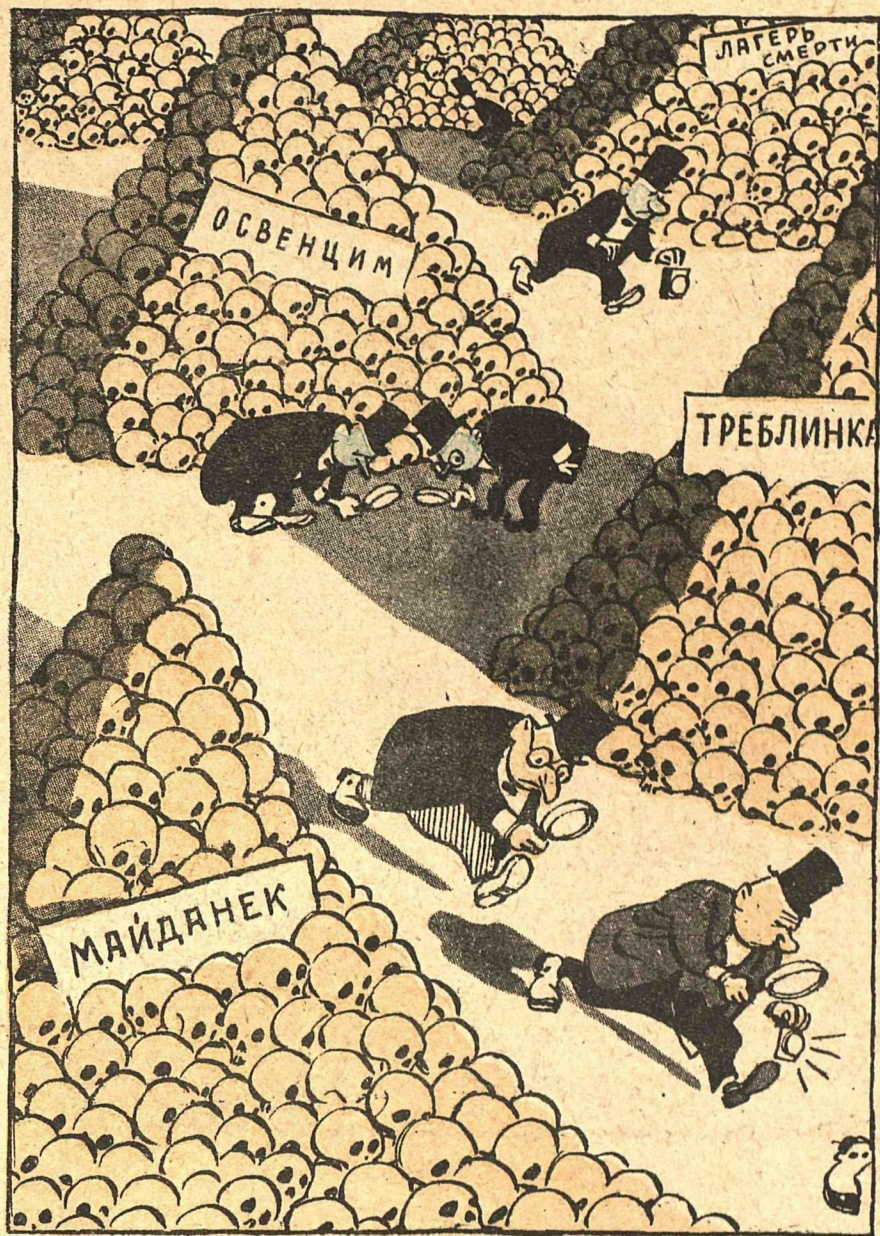
И ФРИЦ

...тельные стихи
 ...гарелых детей)

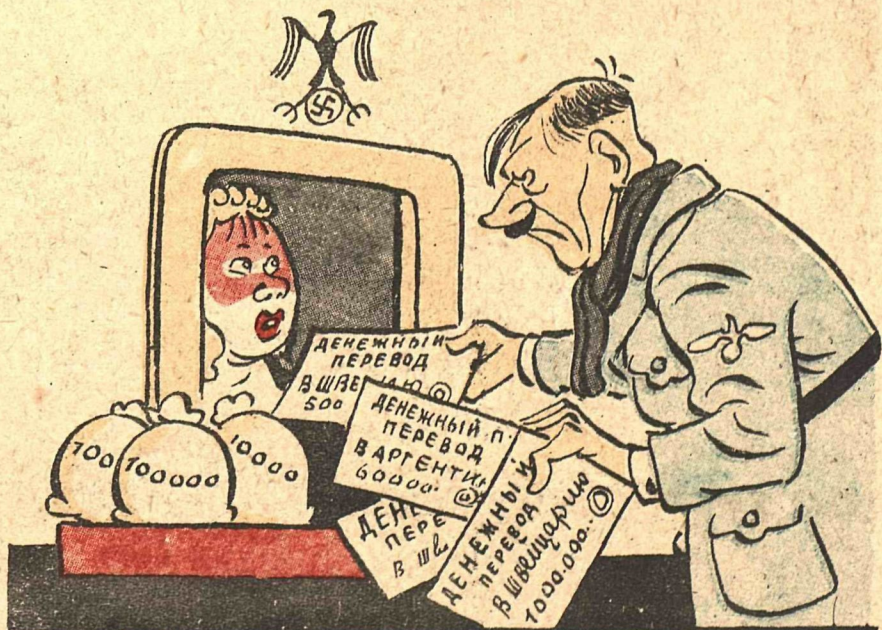
...рменный убийца
 ...ль мировой.
 ...д-парк старушка-леди,
 ...ывать спеша
 ...льском наследьи,
 ...ела малыша.

Вторая сладостной легенде
 (И всплакнув от доброты),
 Вопиет она: блажен-де,
 Иже милует скоты!
 Леди, леди! Сколь о многом
 Вы забыли в простоте!
 Это ж — о четвероногом,
 Не эсэсовском СС'коте!

И. ВОЛГИН

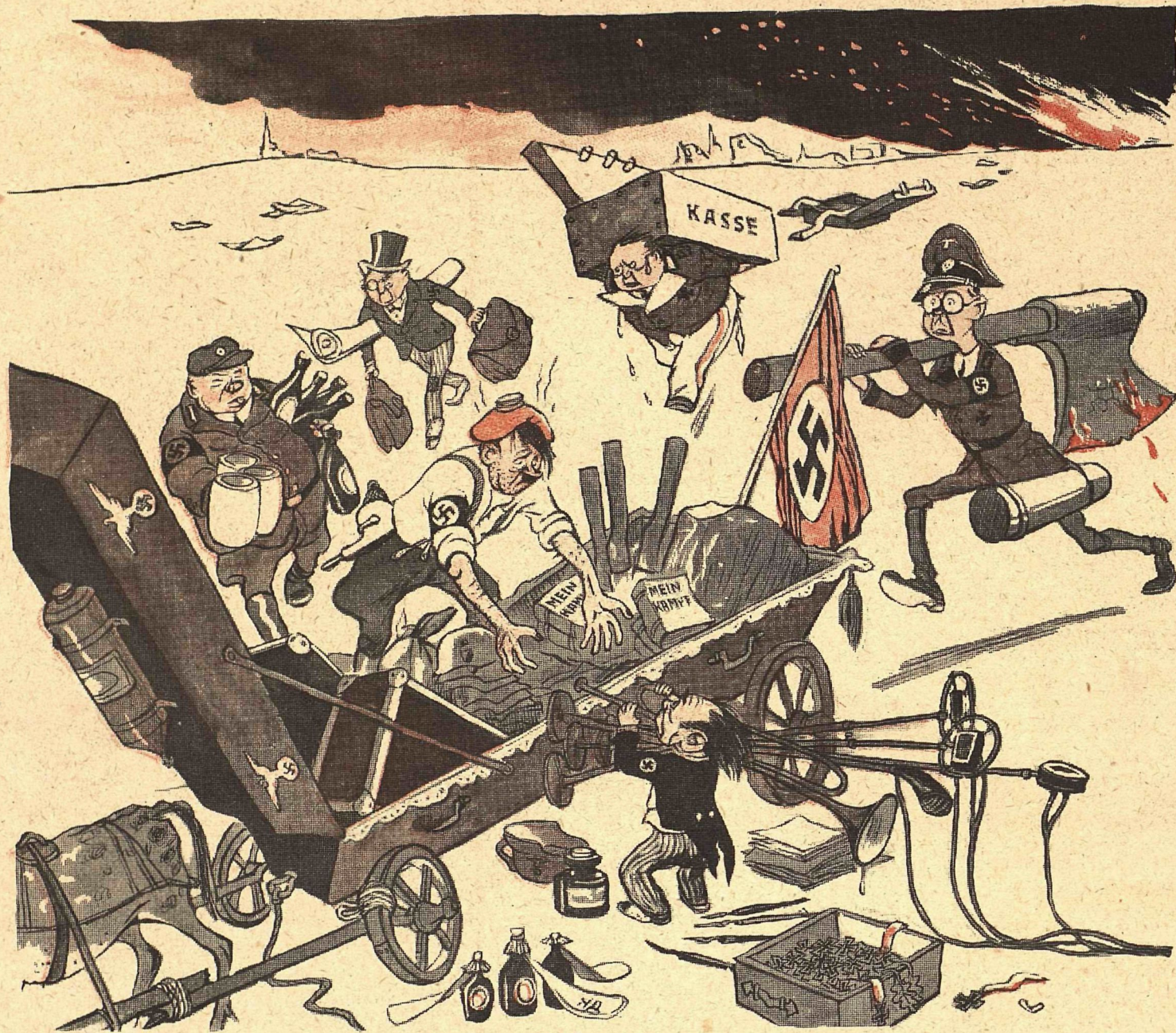

— Ищем, ищем улики против Гитлера — и никак не можем их найти!..

Продолжение «Майн кампф».
 (Часть последняя).
 Перевод с немецкого.

Ю. Г. КОМФ 45

— Всего с собой не возмёшь!.. Берлин, пожалуй, придётся оставить!..

Кепка-невидимка

АЛИ БАШ БЕН АЛИ БАШ-МЛАДШИЙ

НА ТРАМВАЙНОЙ остановке у Никитских ворот в вагон вошёл человек с осанкой и бородой Рабиндраната Тагора.

Но это не был автор «Садовника»: хотя бы потому, что обладатель гордой осанки и седой бороды бережно держал в руках портфель, а, насколько нам известно, знаменитый индусский писатель обходился без этой канцелярской принадлежности.

Старик казался таким древним, что по сравнению с ним я мог сойти за отрока. Вот почему, нарушив исконные трамвайные обычаи, я поднялся и попросил его сесть на моё место. Поблагодарив меня кивком головы, он сел и тотчас же занялся разглаживанием своей роскошной бороды.

На Трубной я вышел из вагона. Старик последовал за мной.

— Отойдём в сторону, — сказал он. — Мне надо сказать тебе несколько слов.

Мы зашли за угол. Мой странный спутник сказал:

— Вот что, красавец! (Подлинные его слова!) Ты мне понравился. Я хочу сделать тебе подарок.

Он вынул из портфеля кепку. Обыкновенную кепку. Это был меланхолического цвета головной убор, не очень дорогой, но весьма помятый.

— Дарю тебе волшебную штуку, — продолжал старик торжественно. — Я чародей и факир. Моё имя — Али Баш бен Али Баш-младший. Это кепка-невидимка. Когда покроешь ею свою голову, ты всех видишь, а тебя — никто. Но помни, мой сын, её волшебная сила истекает ровно через семь дней и ночей. Пока!..

Помавав мне ручкой, старик исчез в толпе.

МОЕ УДИВЛЕНИЕ РАСТЕТ

«НЕ ПОСМЕЯЛСЯ ли надо мной борода? — подумал я. — Надо будет проверить, какую это кепку всучил мне трамвайный факир». Иду по улице. Вышел на другую. Внизу вывеску: — «Райжилотдел»

В канцелярии с десятком посетителей. Перманентная девица грозно заявляет:

— Сегодня приёма не будет.

Я направляюсь прямо к двери заведующего. Меня «перманент» не останавливает.

Захожу в кабинет. Заведующий пьёт чай. Он меня не видит.

Страшно удивлённый, выхожу на улицу. И тут же у меня созревает твёрдое решение.

ЕДУ В БЕРЛИН!

САМОЛЕТОМ, а затем машиной добираюсь до фронта. Мне это очень легко сделать. Сел в самолёт или эмку — и никто из пассажиров не видит меня. Таким же манером я и харчился в пути. И всегда после принятия пищи выкуривал нужную папиросу.

Невидимкой перешёл за Кюстрином линию фронта. До Берлина я шикарно доехал. Эсэсовцы везли в столицу вешать какого-то перепуганного гаулейтера — в эту машину я и подсел.

Благополучно доехал. Чего нельзя сказать о гаулейтере. Он на ближайших подступах к Берлину скоростно скончался...

Берлин мне понравился. Очень хороша новая планировка улиц. Они расширены, снесены целые кварталы, нет бывшего нагромождения домов, много воздуха и беженцев.

Для удобства публики посреди улиц и площадей вырыты ямы, канавы, воронки. К возможному обстрелу Берлина русскими орудиями немцы уже приготовились: в углублениях можно будет укрыться до самой смерти.

Здесь на каждом шагу чувствуется забота о населении: на всех углах радиорепродукторы призывают прохожих смотреть весело, а неисполнение сего карается лишением головы и продкарточек.

Не помогает. Единственный, кто в Берлине смотрел весело, это был я.

МАДРИД И ТОКИО

Б РОЖУ по одной из главных улиц Берлина. На дверях какого-то особняка замечая медную дощечку — «Испанское посольство».

Решил зайти и посмотреть, как себя здесь чувствует посол сеньора Франко после объявления Испанией войны Японии, союзнице Германии. Их было двое в кабинете — посол Мадрида и посол Токио. Представители двух воюющих между собой держав, два противника.

Они сидели и пили вино. Они чокались, и звон бокалов подчёркивал столкновение двух враждебных друг к другу держав.

Я вышел из кабинета и в передней услышал такой разговор. Швейцар посольства объяснял горничной:

— Очень подружился в последние дни наш кабалеро с японцем. Сначала наш ездил к нему с категорическим протестом против зверств японцев на Филиппинах. А потом мы объявляли беспощадную войну Японии. Ну так, значит, слово за слово, и начали вместе выпивать...

В ГЕСТАПО

В ОДНОЙ из комнат этого заведения, где помещался «Подотдел учёта покойников», было шумно и весело.

Я как раз вошёл туда в тот момент, когда несколько чиновников проверяли списки.

Один из них, видимо, большой хохотун, всё время прерывал чтение бумаг громким смехом:

— Ну-ка, кто сегодня отправляется на тот свет? Хо-хо!

— Курт Шуллер, Карл Гошке...

— Смешно!

— Генрих Швальбе...

— Туда ему дорога! Ха-ха...

— Ганс...

— Ещё один Ганс. Чудесно!

— Миллер.

— Что?! — взревел хохотун. — Ганс Миллер — это же я!

— Знаю.

— Что ты, обезьяна, путаешь? Я же в списке мнимых убитых. В списке № 2. Понимаешь? На случай подпольной работы. Ещё вчера...

— А сегодня тебя перебросили в список № 1. К настоящим покойникам. А в список № 2 вместо тебя перенесён из списка № 1 Фриц Клянке. Раздался громкий смех. Все смеялись, кроме хохотуна.

ВИЗИТ К ГИТЛЕРУ

П ОСЕТИТЬ Берлин и не зайти к Гитлеру было бы непорочно с моей стороны.

Он был один. Еле заметный слой интеллекта лежал на его лице.

Он сидел в кресле и что-то бормотал.

Затем вскочил и начал играть скотч, который можно было озаглавить коротко — «Бред сумасшедшего». Гитлер в этом представлении исполнял обе роли: 1) ефрейтора Шикельгрубера и 2) фюрера.

Ефрейтор (стоит навтыжку): — Мой фюрер, имею честь доложить.

Фюрер (садится в кресло): — Слушаю.

Ефрейтор: — Наши войска под твоим командованием подошли к Курску и...

Фюрер: — Короче!

Ефрейтор: — ...и двигаются дальше.

Фюрер: — И двигаются дальше под твоим командованием?

Ефрейтор: — Под твоим, мой фюрер!

Фюрер: — То-то! Дальше!

Ефрейтор: — Наши войска под твоим командованием...

Фюрер: — Правильно!

Ефрейтор: — Оставили Вену!

Фюрер: — Что?! Как ты смеешь?!

Ефрейтор: — Виноват, мой фюрер. Я залез не в тот год.

Фюрер: — Роли не знаешь. К чему тут Вена? Возьми на карте подалше.

Ефрейтор: — Слушаюсь! Берлин...

Фюрер: — Вон, негодяй!

Спектакль сорвался. У меня руки чесались: поднять стул и вместо рецензии хлопнуть бездарного актёра по башке и этим покончить и с фюрером и с ефрейтором.

Но я сдержал себя: нет, он должен пережить весь позор своего падения, он должен болтаться на виселице!

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Б ОЛЬШЕ одного дня я не мог провести в Берлине. Волшебная сила моей кепки-невидимки скоро должна была кончиться. Надо возвращаться. Тем более что я начал опасаться, как бы советский снаряд не испортил мне вовсе кепку.

На восток, то есть на восточные улицы Берлина, шла пятитонка — везла на убой не совсем свежую партию фольксштурмистов. С ними я и поехал.

На окраине германской столицы я увидел наш плакат — «Вперёд!» Я приписал карандашом несколько слов. И если вы сейчас прочтёте на том плакате поздравление нашим бойцам и офицерам с Первым мая, с великими победами, то знайте: это написал я.

Г. РЫКЛИН.

Ей часто бабка повторяла
Уроки мудрости былой:
«Работать девушке пристало
За рукоделием — иглой».

Она блещит — и людям ясно,
Что враг коварный побеждён,
Что к жизни новой и прекрасной
Великий город возрождён.

Вот встала девушка с рассветом
И за свои взялась дела,
Игла в наличии. Но это
Адмиралтейская игла.

Что все выходят дружным
строём,
Работают и говорят:
«Мы так же Ленинград отстроим,
Как отстояли Ленинград!»

ОДНАЖДЫ...

ПОЛОЖЕНИЕ ОБЯЗЫВАЕТ

Однажды какой-то московский поэт спросил А. П. Чехова, только что получившего Пушкинскую премию:

— Что подельываете, Антон Павлович?

— Да вот, учусь говорить генеральским басом! — ответил Антон Павлович.

ХИТРОЕ СЛОВО

Однажды к знаменитому московскому адвокату Ф. И. Плевако явился именитый купец с каким-то весьма неприятным делом.

— Ну, что ж, — сказал Плевако, — дело, конечно, можно обернуть...

— Уж будь, Фёдор Никифорович, отцом-благодетелем.

— Благодетельствовать я тебе не буду, а давай аванс.

— Это что же такое, Фёдор Никифорович, аванс? — вынул глаза купец.

— Чудак... Что такое задаток, знаешь?

— Ну, вестимо, знаю...

— Так вот, аванс вдвое больше!

ЧЬЕ КУШАЮ, ТОГО И СЛУШАЮ

Однажды генерал-губернатор князь Долгоруков спросил Пастухова, редактора бульварной газеты «Московский листок»:

— Какое направление вашей газеты?

— Кормимся, ваше сиятельство, — ответил Пастухов.

Потерянный аппетит

СВОЕ отношение к пищевому довольствию разведчик Воскобойников определял так: — Аппетит приходит во время еды, а у меня на сутки раньше.

И вот исключительно на почве честолюбия был внезапно потерян такой завидный, я бы даже сказал, мощный аппетит.

Дело в том, что разведчикам соседней части удалось поймать двух крупных гитлеровцев в генеральских чинах: коменданта города и начальника гарнизона. Эту чужую удачу Вася Воскобойников воспринял почему-то как прямой выпад против себя и своего старшего друга, знатного разведчика Скородумова.

Вася безустали шпиныл Скородумова и бурно доказывал ему, что таким разведчикам, как они, за всю войну не взять в плен ни одного немецкого генерала — просто безнравственно и неприлично.

Вот и сейчас, когда они ведут двух немцев, взятых при попытке удрать из окружения, Воскобойников продолжает бубнить о своём:

— Что же это такое, Наум Фёдорович: люди уже начинают брать в плен обер-бавд-штурм-фюреров... А мы вчера какого-то обер-фендрика доставили, лет пятнадцати от роду. Это же несмыслаемый позор!

Скородумов молчит. Воскобойников не унижается:

— Люди скоро гаулейтеров начнут приводить... А мы вот олять каких-то ограниченно негодных взяли... Я вот тебе оглянись! — прикрикнул он на одного из пленных, сутулого старика со свирепым лицом. — До чего кляузный старикашка — просто удивительно!

— Он тебе хороший фонарь под глазом подвешил, — напомнил Скородумов. — Вот тебе и старикашка...

...Действительно, с этими двумя пожилыми немцами изрядно пришлось повозиться при задержании. Обнаружив их, Вася негромко и небрежно крикнул им:

— Эй, вы, фолькштурмовые! Бросай оружие: отвоевались...

К удивлению Васи, фолькштурмисты не остановились, а шарахнулись в кусты и оттуда открыли огонь. А когда Вася сходу наскочил на них, чтобы обезоружить, один из немцев неумело пырнул его штыком в рукав шинели. Потом резко мотнул головой и краем каски сильно ударил разведника в скулу.

— Ты что, старый чорт, ополоумел? — изумлённо проворчал Вася, обезоруживая немца. — От тебя уж землёй пахнет, а ты воевать ввязался...

Упрямый немец ещё раз попытался вырвать свою винтовку из рук Воскобойникова. При этом он угодил прикладом в живот второму немцу, растерянно топтавшемуся на месте.

— Так его! — весело крикнул подбежавший Скородумов. — Бей своих, чтобы чужие боялись!..

Второй немец охнул и сам протянул Скородумову оружие. Воскобойников изловчился и, двинув своего воинственного старца по шее, отобрал у него винтовку.

ПОДАТЬСЯ НЕКУДА

Рис. Кукрыниксы

— Вертись — не вертись, а отвертеться не удастся!..

— Ты меня бить по физиономий?! — затряса от злости немец.

— А что же, я с тобой чокаяться буду? — сердитой скороговоркой ответил Вася, отбирая у немца гранаты. — Попал в плен, так ты держись в рамках. А ну, — вперед! Форвертс, по-вашему...

Немец повиновался, но на ходу начал вдруг поругиваться. Сначала он обругал по-немецки своего пленного собрата: должно быть, за то, что тот сдался без драки. Потом, вставляя в немецкую речь русские словечки, стал ругаться в пространство. И, наконец, перешёл на отборнейшую русскую ругань.

— Что же это такое, Наум Фёдорович? — даже растерялся Вася.

— Ничего, — невозмутимо отвечал Скородумов. — Выбрешется — хорошая собака будет... А ты плюнь и не обращай внимания.

Но немец постепенно входил в раж и ругался всё громче и замысловатее. Вася не выдержал:

— Наум Фёдорович, меня от этого коробит. Не знаю, как ваше мнение, а у меня лично в автомате одна пулька заскучала... Разрешите, я этому гаду создам условия? А? В порядке наведения порядка...

— Да, старичок интересный, — думая о чём-то своём, рассеянно сказал Скородумов. — Такие старички на улице не валяются. Нет, ты его не трогай: видишь, у него голова-то уж на малых оборотах работает... Ну, веди их на пункт: мне к лейтенанту надо.

Недовольный Воскобойников побрёл с пленными дальше. Но ему повезло: вскоре он навязал их знакомому автоматчику, конвоировавшему целую группу пленных немцев. Он предупредил автоматчика:

— Ты, Шарохин, вот за этим сутулым хорошенько присматривай: это очень шустрый старик...

— Всяких видали, — хриповатым баском ответил Шарохин.

Воскобойников пошёл искать Скородумова, чтобы ещё разок попенять ему на плохое качество пленных. Но не успел он отойти и на сто шагов, как послышались крики и раздались автоматная очередь. Вася бросился туда. И первым, кого он увидел, был его сутулый немец, который, пригibasь и высоко вскидывая ноги, бежал к овражку.

— Хальт, нечистая сила! — во весь голос крикнул Воскобойников и бросился наперерез немцу.

Старик оступился, споткнулся, и Вася схватил его за шиворот.

Сконфуженный автоматчик Шарохин стоял около своей группы пленных. Он встретил Васю словами:

— И где ты только такого выкопал?.. Веди ты своих сам, ну их к чорту...

Неудачливый беглец тяжело дышал и от злости не мог даже ругаться.

— Что тут за стрельба была? — спросил вышедший из-за разрушенных строений Скородумов.

— Да вот, Наум Фёдорович, этот старик балбес всё никак не может остепениться: убежать хотел...

Скородумов пристально всмотрелся в старика. Потом сказал:

— А ну, пошли в штаб...

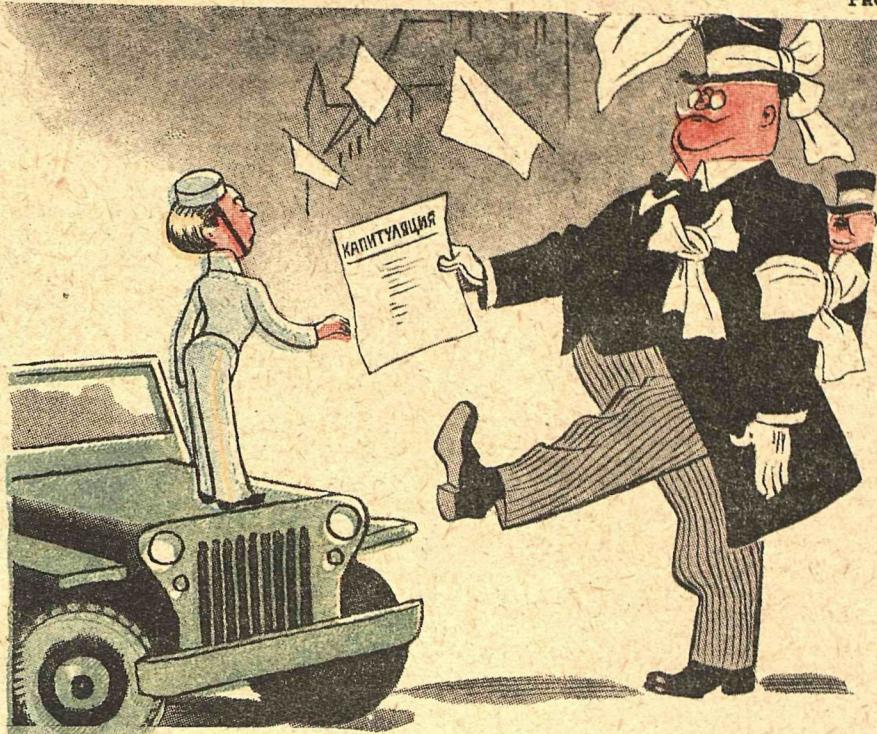
Сутулый старик оказался командиром разгромленной немецкой дивизии, а его спутник — начальником штаба.

Вася в недоумении разводил руками, а Скородумов говорил:

— Ну, Васятка, можешь теперь писать своей Марусе о том, что своими руками взял вражеского генерала от инфантерии или там ещё от чего-то... Теперь твоя душенька спокойна?..

С этого дня аппетит Васи Воскобойникова снова пришёл в норму. Но надолго ли, — неизвестно. Потому что Вася уже начинает поговаривать о том, что, мол, генерал генералом, а подцепить, скажем, гаулейтера города Берлина тоже было бы недурно...

Алексей РЕЗАПКИН

— Я сказал, что мы без боя город не сдадим. Отвези-ка, Гансик, эту бумажку противнику!..

¹ Бой — по-английски мальчик для посылки.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

В СОЛНЕЧНОМ сиянии апреля американская танковая колонна на полном газу ворвалась в немецкий город. Ровно в полдень большая группа американских солдат...

Мы просим извинения у читателя и обрываем на этом свой скромный репортаж. Дело в том, что при взятии города присутствовали три корреспондента американских газет. Первый в течение последних лет поставлял отчёты в отдел «светская хроника». Второй писал театральные рецензии. Третий, самый молодой, успешно руководил спортивным отделом в вечерней ньюйоркской газете.

Через час после взятия города все три корреспондента отправили телеграммы в свои газеты.

Специ лист по светским вопросам написал так:

БОЛЬШОЙ ПРИЕМ

Сегодня в немецком городе Н. состоялся большой приём. С американской стороны присутствовали генералы, офицеры и солдаты всех родов войск. Съезд гостей начался утром.

У подъездов гости были встречены городскими властями, солдатами и офицерами. Бледные от волнения хозяева вывесили на фасадах зданий белые флаги.

Туалеты гостей выделялись своей скромностью — гости были в военном. Туалеты хозяев восхищали разнообразием и изысканностью. Голубые кальсоны секретаря бургомистра, элегантно приспущенные, брюки цвета беж, украшающие руководителя местной нацистской организации, и другие костюмы подобного рода радовали глаз свободной игрой красок.

В центре внимания находился костюм немецкого военного коменданта города Рихарда фон Зайдниц. Палевое платье с трюном, изящная меховая накидка, шляпа с ниспадающей тёмной вуалью — все эти аксессуары туалета коменданта свидетельствовали о его большом вкусе и незаурядной выдумке. Однако следует указать, что некоторую дисгармонию вносили сапоги со шпорами, кокетливо выглядывавшие из-под платья Рихарда фон Зайдниц.

Второй корреспондент, специалист по театру, описал события дня по-своему.

ЯРКИЙ СПЕКТАКЛЬ

Сегодня на европейском театре военных действий состоялся утренний спектакль в постановке мистера Монтгомери.

Пьеса прошла блестяще. Американские участники отлично знали свои роли. В игре немцев чувствовался налёт импровизации, вызванный, как это выяснилось позднее, налётом американской авиации. Декоративное оформление и освещение, изготовленные силами американского бомбардировочного корпуса, представляли собой живописные развалины военных объектов. Шумовое оформление наших автоматов и музыка, исполненная объединённым артиллерийским оркестром, — все эти компоненты способствовали нашему большому успеху.

Большим темпераментом была отмечена финальная массовая сцена. Выразительный немецкий речитатив «Гитлер капут!» на фоне белых флагов прозвучал в высшей степени убедительно.

В отличие от своих коллег третий корреспондент, мастер спортивных отчётов, телеграфировал в свою газету так:

СПОРТИВНЫЙ ДЕНЬ

Сегодня в немецком городе Н. состоялись большие соревнования. Американская команда выступила против команды немцев. На первых минутах американское нападение устремилось на ворота города. Обойдя линию защиты, составленной из присутствующих фольксштурмистов и отсутствующей герцогини Аттольской, американские нападающие сделали первый удар по воротам, после чего счёт потерянных немецких голов заметно увеличился. Правое крыло американских форвардов при первом прорыве показало хорошее время, которое для немцев к тому времени уже кончилось.

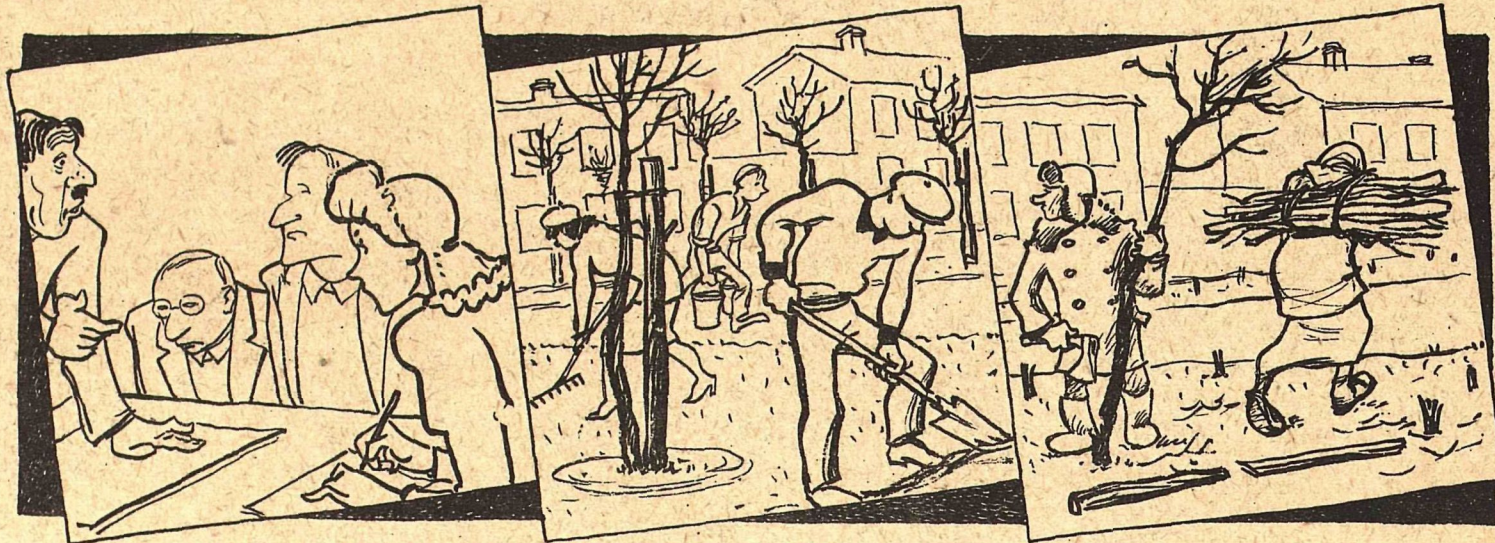
На пятнадцатой минуте группа немцев сильным броском устремилась в плен, не встречая со стороны американцев никакого сопротивления.

После полного поражения немцев, в городе состоялись соревнования по другим видам спорта.

В заключение соревнований объединённая городская команда немцев продемонстрировала массовые гимнастические упражнения. Наиболее благоприятное впечатление на американских наблюдателей произвела заключительная гимнастическая фигура. Все участники, сделав глубокий вздох, подняли руки и оставались в таком положении в течение длительного времени.

Борис ЛАСКИН

Рис. К. Елизеева

Слушали — постановили.

Внедрили.

Увязали.

Рукопись, найденная под стулом

ЭТА рукопись была найдена под стулом в четвёртом ряду Большого зала Дома актёра.

Автор её неизвестен.

Сначала предполагали, что рукопись потерял какой-нибудь театральный критик. Но затем это было отвергнуто, так как: а) записки носят слишком лирический характер и б) в Доме актёра в четвёртом ряду критики не сидят. Рангом не вышли!

Тогда возникла мысль, что найденный дневник принадлежит перу режиссёра.

Сторонники такой точки зрения ссылались на следующую запись, сделанную анонимным автором:

«Вчера очень поздно вернулся домой и имел с женой неприятную мизансцену».

Но эта сомнительная гипотеза была опровергнута другой записью в дневнике:

«Наднях смотрел «Лисички» в Театре драмы. Очень понравилась режиссёрская работа Страдомской. Молодец!»

Никогда режиссёр не напишет таких строк! Что у него — своих постановок нет, что ли?

Во всяком случае, мы решили рукопись опубликовать, снабдив её, конечно, соответствующими комментариями.

ВЕСЕННИЙ ДНЕВНИК

28 апреля. Итак, наконец, в Москве весна.

Не та «Весна в Москве», которая до сих пор в репертуаре Театра драмы, и не календарно-фенологическая московская весна, когда мёрзнешь в демисезонном пальто, а обыкновенная весна, т. е. по-настоящему тепло и можно начинать смотреть эстрады в открытом театре «Эрмитаж».

Если есть, конечно, что посмотреть!

Темнеет. Ночи становятся короче, а литературные радиопередачи длиннее. Что-то будет летом!

Солнце греет всё сильнее и сильнее. Уже появилась первая зелень — покрасили скамейки на бульварах и позеленел от досады артист Икс, увидя в «Советском искусстве» юбилейный портрет Леонида Утёсова.

Комментарии редактора: тут у автора несомненная неточность. Артист Икс позеленел гораздо раньше скамеек.

30 апреля. Мне рассказали кошмарную историю, происшедшую недавно с одним начинающим театральным барышником.

Узнав, что «Бешеные деньги» имеют огромный успех и все стремятся скорей посмотреть этот спектакль, наш коммерческий молодой человек, подстёгиваемый заманчивым названием пьесы, раздобыл 10 хороших билетов в партер и, выдержав их до 7 часов, приступил к распродаже.

К его ужасу и возмущению, распродажа очень затянулась. Пришлось почти все билеты уступить по себестоимости, что было для начинающего барышника страшным моральным ударом.

Потом оказалось, что «Бешеные деньги» имеют огромный успех в театре имени Ермоловой, а наш молодой человек легкомысленно приобрёл билеты на «Бешеные деньги» в Малый театр.

Начался весенний перелёт птиц. В Театр имени Моссовета прилетела «Чайка» Чехова. Таким образом, в московских театрах уже три «Чайки»: две — в репертуаре (в Моссовете и Камерном) и одна — на занавесе (в Художественном).

Комментарии редактора: снова неточность! В московских театрах сейчас не три, а четыре «Чайки»: четвёртая — на занавесе филиала Художественного театра.

2 мая. Весна всё больше вступает в свои весенние права. На деревьях лопнули почки и распустились листочки, а в Театре сатиры распустились актёры и лопнули спектакль.

Произошло это грустное событие следующим образом. Вечером должны были давать «Чужой ребёнок». Однако в пять часов дня над кассой появился столь знакомый москвичам плакат о замене:

«Ввиду болезни артистки Зверевой вместо спектакля «Чужой ребёнок» пойдёт «Сашка».

Но «Сашка» никуда не пошёл. «Сашка» тоже сидел дома с бюллетенем. А в половине восьмого, когда зрительный зал нетерпеливо гудел в ожидании поднятия занавеса, на прощениум вышел представитель дирекции и сказал унылым голосом, не оставляющим никаких надежд:

— Ввиду болезни артиста Любезнова спектакль сегодня не состоится... Желающие могут немедленно получить деньги обратно...

Труппа в Театре сатиры большая, а репертуар маленький. Но даже этот маленький репертуар всё-таки ухитрились пробуллетенить!

Что-то гнило в датском королевстве!

Вчера прочёл в одной газете, что «ЦДКА, ЦДКЖ, ЦДРИ, ЦДХВ и ЦДХС проводят большую работу по смотру художественной самодеятельности».

Всю ночь не спал. Попытался расшифровать таинственную заметку. Утром решил начать изучение санскритского языка, египетских письмен и китайских иероглифов. Может, тогда удастся!

Комментарии редактора: абсолютно непонятная запись. В чём тут дело? Мы консультировались в ВТО, в ЦТК, в ГУМУ ВКИ, в ВГКО и ГИТИС, но нигде не могли получить исчерпывающего разъяснения.

3 мая. Интересно, какой контроль должны были проходить масоны, когда шли в масонскую ложу?

Вероятно, всё-таки не такой придирчивый, какому подвергаются члены Дома кино; иногда в свой творческий клуб надо продираться через три милицейских заслона, и ещё через особую заставу во главе с беспощадным председателем совета Дома.

Хочу предложить правлению сделать на каждом членском билете отпечаток указательного пальца его владельца. Тогда достаточно будет поставить при входе одного опытного агента Уголовного розыска, который легко установит творческую личность посетителя.

4 мая. Последнее время о цирковых режиссёрах критики пишут только восторженные междометия с восклицательными знаками. Получается, что цирковая режиссура — это самый передовой отряд режиссёрской мысли.

Да, недаром Островский написал когда-то пьесу «Правда хорошо, а счастье лучше».

Комментарии редактора: автор дневника, упрекая критиков в превеличении роли цирковой режиссуры, упускает из виду, что у великого драматурга есть ещё пьеса «На всякого мудреца довольно простоты».

* * *

На этом записи анонимного автора весеннего дневника обрываются.

Евг. БЕРМОНТ

Деловой разговор

— Да... Галя, это ты? Ой, а я и не узнала. Угадай, кто? Нет, не Катя... Надя? Это кто-то твоя одноклассница? Нет. Ага, Тося. Откуда звонит? От соседки. Она ушла, сейчас придёт, ей будут по важному делу звонить, она меня просила послушать, вот я и сторожу. А то позвонят, а тут никого нет. Знаешь, я тебе что скажу? Очень важную вещь. Нет, ещё важнее, сегодня салют будет. А я тебе говорю, что будет. У нас во дворе зенитчицы живут, я с одной, с Шурой, познакомилась. Я её каждый день спрашиваю: сегодня будет салют? А она молчит. Но я теперь уже знаю: если она улыбается, значит, будет салют. А сегодня она так улыбалась, что, наверно, из трёхсот двадцати четырёх орудий. (Кричит в трубку.) Галя, Галя, ты слушаешь? (Озабоченно дует в трубку.) Галя!.. Станция, вы зачем перебили? Ах, проверочная? Работает телефон, очень хорошо работает, я всё время разговариваю. Не разъединяйте!

...Галя? Ой, я так испугалась, нас перебили. Я говорю, говорю, а тебя нет! Ты с какого места не слышала? Ага... То есть факт! Фу ты, я хотела сказать да! Галя, ну подожди, куда ты торопишься? Подожди, я хочу тебя спросить. У вас урок танцев на этой неделе был? У вас Анна Петровна как четвёртое движение показывала? Сначала задней ногой вбок, а потом назад? Или наоборот? Ну, чего ты не понимаешь? Сначала надо задней ногой вбок, а потом передней назад? Ну и по-моему тоже так. А Наташка говорит, не так. Ой, знаешь, что Наташкин брат сделал, умора! У них было школьное собрание насчёт классного имущества, чтобы ничего не портить. А он взял и на парте перочинным ножом лозунг вырезал: «Прошу некого мою парту ни портить». Вот сообразил! И главное, приставки перепутал, написал: «некого» и «ни портить». Ну, ясно, грубые ошибки. Вообще с этими приставками прямо мученье! В «Пионерской правде» было объяснение, как легче узнавать, когда «не» писать, а когда «ни». Я раньше верно

писала, а теперь, после этого объяснения, всё не знаю, как надо писать. (С интересом слушает, кивает головой.) У вас, в четвёртом «Б», вообще легче учиться, чем в четвёртом «А». Конечно... У вас Вера Кузьминична, во всяком случае, не такая строгая. А у нас Софья Ивановна, знаешь, какая строгая! Прямо ужас! Сегодня вызывает Назаркину и велит ей придумать предложение. Повествовательное, по количеству членов распространённое. Ну, Назаркина сразу придумала и написала на доске «Молния ударила в мамину голову». Всё правильно подчеркнула, подлежащее одной чертой, сказуемое — двумя, а мамину голову как второстепенный член — волнистой чертой. Всё правильно? Вот видишь! А Софья Ивановна всё равно недовольна. Говорит, почему ты такой нелепый пример придумала? Неужели молния не могла ударить в какое-нибудь другое место? Зачем ей попадать в мамину голову. Ужас, какая строгая!

(Снова начинает громко кричать и дуть в трубку.)

Алло! Алло! Галя, куда ты опять пропала? Такое безобразие, опять разъединили! Станция? Работает, только плохо, всё время разъединяют! Ну, хорошо, дайте бюро ремонта.

...Бюро ремонта? Почему всё время разъединяется телефон? Хорошо, проверьте, только поскорее.

Конечно, пускай проверят, а то соседке должны по важному делу звонить, а телефон испорчен... А пока они проверяют, я Гале позвоню. Галя, это ты? Ой, Галя, прямо ужас, опять разъединили! Галя, я, знаешь, тебе зачем опять позвонила? Скажешь — до свиданья! Ой, подожди! Стучат в дверь, кажется. Это она пришла, соседка. Пойду ей скажу, что никто ей по телефону не звонил, я всё время тут сидела, караулила. (Говорит торопливо.) Галя, ну значит, до свиданья! Ты никуда не уходи, я сейчас к тебе приду поговорить.

А. БАРТО, Р. ЗЕЛЕНАЯ

ПРОКЛЯТАЯ НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Рис. В. Клипча

— Вам какие буквы нужны для калош?

— Для имени — «Л», а для фамилии дайте на всякий случай все буквы алфавита.

С МИРУ ПО СТРОЧКЕ К ВОПРОСУ ОБ АВТОРИТЕТЕ

Газета «Социалистическое земледелие» пользуется авторитетом в сельскохозяйственных кругах.

О том большем интересом читатели «Социалистического земледелия» прочли статью «Ярославская область — рассадник племенного скота», где было сказано: «Брейтовская свинья с каждым годом завоевывает себе всё больший авторитет».

Где и среди кого брейтовская свинья завоевала себе авторитет, об этом, к сожалению, автор статьи умалчивает. Но зато всем совершенно ясно, что означенная авторитетная свинья с помощью автора подложила редакции явную свинью.

ЕЩЕ О ЛЮБВИ

Столетие со дня смерти И. А. Крылова, как гласит заметка в одном из номеров газеты «Акмолинская правда», было отмечено общественностью Акмолинска (к большой любви). Со своей стороны редакция также посылкой откликнулась на юбилейную дату, переименовав Ивана Андреевича Крылова в Андрея Ивановича.

Таким образом, редакция допустила две ошибки. Во-первых, она самовольно изменила имя и отчество великого русского баснописца. Во-вторых, она не указала, что память Крылова была отмечена с любовью всей общественностью города, за исключением редактора тов. Березовского.

Любви этой мы при всём желании в газете не обнаружили.

ПЕРЕХОДНАЯ ПЕСНЯ

Иван Андреевич Хлестаков уверял, что есть два «Юрия Милославских».

Издательство «Молодая гвардия», пойдя по этим стопам, настаивает, что есть две «Походные песни» («До свиданья, города и хаты...»): одна — сочинение А. Суркова, а другая — М. Исаковского.

В подтверждение этого «Молодая гвардия» в сборнике «В бой за родину» опубликовала стихи «Походная песня» за подписью А. Суркова, а в сборнике «Русские песни», вышедшем в том же издательстве, под теми же стихами значится уже фамилия М. Исаковского.

Предвидя, что «Походная песня» может войти и в другие сборники «Молодой гвардии», предлагаем в порядке разнообразия подписывать её фамилиями и других поэтов. Получится очень эффектно.

НЕРОДНАЯ РЕЧЬ

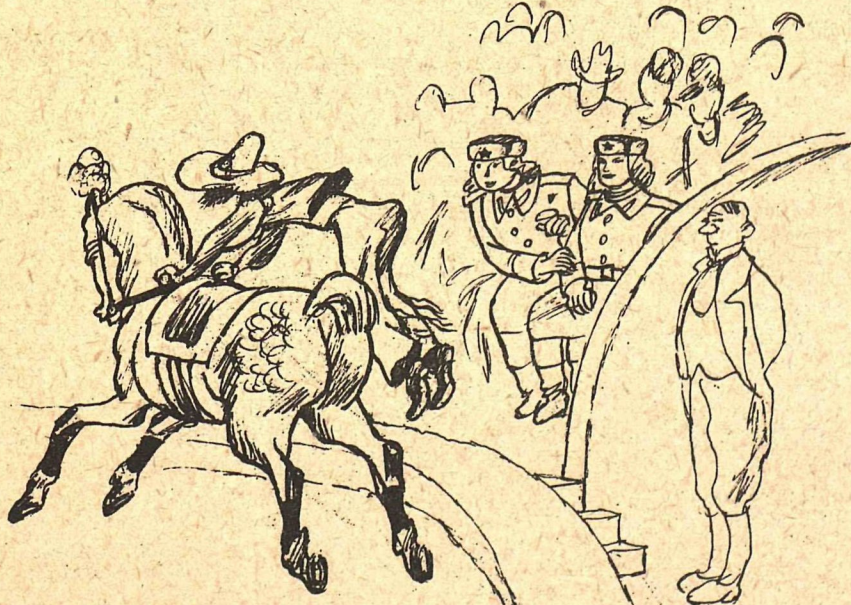
На странице 111-й книги для чтения в 1-м классе «Родная речь» (Учпедгиз, 1944) напечатано стихотворение о телёночке. Против этого произведения ничего возразить нельзя, за исключением последней строфы. А строфа эта звучит так:

«Как над маленьким я пела
Над ребёночком,
Навсегда ему велела:
Будь телёночком».

Боишься, что этот призыв может повиснуть в воздухе. А вдруг телёнок заартачится и, в отличие от некоторых редакторов Учпедгиза, не захочет остановиться в своём росте?

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Рис. М. Черемных

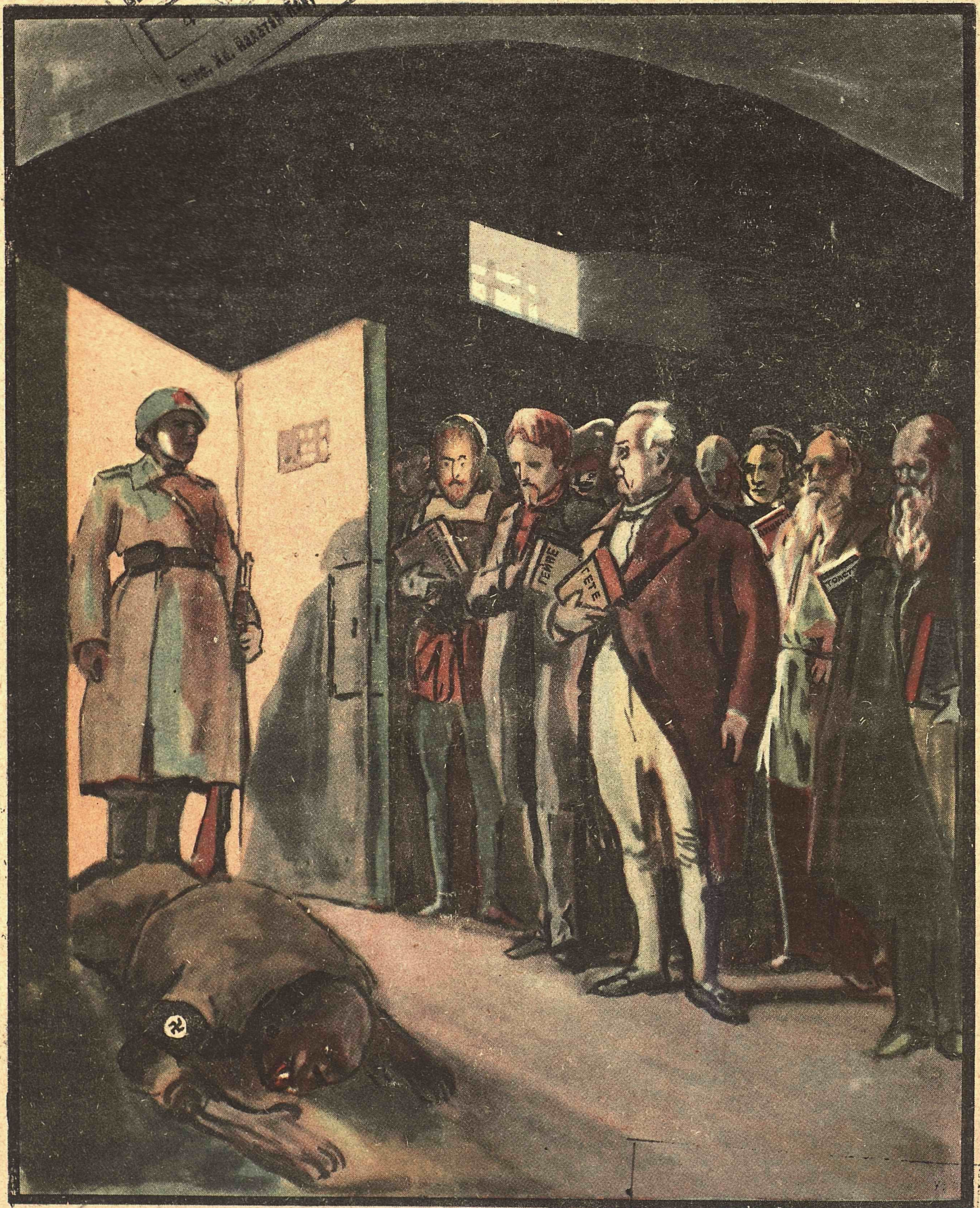

— Если этот гражданин ещё один раз прыгнет на ходу, я его обязательно оштрафую!..

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКОВЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются. Адрес ред.: Москва, 48, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-58, Д 3-33-47. Прием ежедневно в 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц. Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва. Изд. № 271. Подп. к печати 26/IV. 1945 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000. А 5620. Типография газ. «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Зак. 892. Тираж 100.000 экз.

49
ВЫСШ. ЭКОНОМ. ШКОЛЫ
МАЯ 1945
Л. БРОДАТЫ
МАЯ 1945

— Вы свободны, друзья!..

1/5

5/245